

ФОЛЬКЛОР И ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ КAVKAZA

УДК 82-31

DOI 10.31143/2542-212X-2021-3-229-246

**КРИТЕРИИ ЭПОПЕЙНОСТИ И ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ
РОМАНА А. ТЕППЕЕВА «МОСТ СИРАТ»****А.Д. БОЛАТОВА (АТАБИЕВА)**

*Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного
бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский
научный центр РАН»
360000, КБР, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru*

Аннотация. В статье освещены вопросы, касающиеся жанрообразующих признаков романа-эпопеи, форм проявления эпического в художественном произведении. Рассмотрение означенной проблематики предполагает наличие в структуре работы теоретической преамбулы, отражающей принятые в литературоведении характеристики эпопейности (историзм, героика, широкая панорама народной жизни, воссоздание эпической картины мира, многоаспектное отражение действительности, выраженный драматизм, историко-культурный контекст, социальная типизация, срез эпохи, преломляемый в судьбах людей) и последующий развернутый анализ локальных примеров из эпического текста. С целью выявления искомых качеств (эпопейных черт) в национальном романе, дается целостное представление о закономерностях формирования жанра, определяя эпопею как показатель уровня развития литературы, эволюции историзма мышления художника. Основное внимание в исследовании сконцентрировано на изучении структурно-содержательных особенностей и повествовательных стратегий в романе «Мост Сират» балкарского прозаика А. Теппеева. Применимость выдвинутых критериев оценки при разборе композиционных особенностей произведения обосновывает его позиционирование как эпопейного повествования.

Ключевые слова: роман-эпопея; критерии эпопейности; историзм; народность; героика; драматическое содержание; типология характеров.

**CRITERIA OF EPICNESS AND NARRATIVE STRATEGIES OF
A. TERPEEV'S NOVEL "THE SIRAT BRIDGE"****A.D. BOLATOVA (ATABIEVA)**

*Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budget Scientific Establishment
«Federal Scientific Center 'Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of
Sciences'»*

360000, KBR, Nalchik, Pushkina st., 18

E-mail: bolatovaatabieva@mail.ru

Abstract. The article highlights the issues concerning the genre-forming features of the epic novel, the forms of manifestation of the epic in a work of fiction. The consideration of the above-mentioned problems provides for the presence in the structure of the work of a theoretical preamble reflecting the characteristics of epopees' accepted in literary studies (historicism, heroics, a wide panorama of people's life, the reconstruction of an epic picture of the world, a multidimensional reflection of reality, pronounced drama, historical and cultural context, social typing, a cross-section of the epoch refracted in the destinies of people) and the subsequent detailed analysis of local examples from the epic text. In order to identify the desired qualities (epic features) in the national novel, a holistic view of the laws of the formation of the genre is given, defining the epic as an indicator of the level of development of literature, the evolution of the historicism of the artist's thinking. The main attention in the study is focused on the study of structural and content particulars and narrative strategies in the novel "The Bridge of Sirat" by the Balkar prose writer A. Teppeev. The applicability of the proposed evaluation criteria when analyzing the compositional features of the work justifies its positioning as an epic narrative.

Keywords: epic novel; criteria of epicness; historicism; nationality; heroics; dramatic content; typology of characters.

На сегодняшний день литературоведение обладает необходимыми аналитическими инструментами для выведения соответствующих методов анализа и характеристики подлинно эпических произведений. Тем не менее, вопрос о критериях эпопейности и особенностях самого жанра остается дискуссионным.

Тема возникновения романа-эпопеи прежде не часто обсуждалась в региональной науке, поскольку существует теоретическое мнение, что данная форма и ее масштабы не соотносимы с молодыми литературами. Поскольку это самый поздний и все еще развивающийся жанр, он определяется как «неготовый», находящийся на стадии становления. Более того, по признанию ученых, современный роман несколько отошел от «стихии эпопейного повествования», эти выводы сводятся к мысли о невозможности эпопеи в настоящее время. Произведения такого масштаба должны отражать народную жизнь, и это качество во многом определяет их соответствие данному определению. «Среди ряда теоретических положений о жанровых признаках эпопеи ведущим остается категория «народность». <...> В теоретических обоснованиях народности как литературоведческой категории значение ее расширилось и вмещает в себя не только типологию художественного мышления художника, но и выбор им сюжета произведения, трактовку тех событий, которые легли в основу его творения; отсюда и признак историзма – неотъемлемая черта современного романа-эпопеи или иного эпического произведения» [Крутов 2006: 27].

Итак, «народность» выдвинута как основополагающий критерий в оценке художественного творчества писателя-эпика. Обозначенную категорию следует понимать как соотнесенность судьбы героя с жизнью народа, которая становится очевидной на фоне значительных исторических трансформаций. Характерными примерами служат «Война и мир» Л. Толстого, «Жизнь Клима

Самгина» М. Горького, «Хождения по мукам» А. Толстого», «Будденброки» Т. Манна или «Сага о Форсайтах» Дж. Голсуорси, транслирующие историю, содержащие рассказ о жизни нескольких поколений в едином циклически структурированном тексте. Писатели стремятся к воссозданию эпического представления о мире, к реализации онтологических тем с использованием ресурсов мифопоэтики как компенсаторного средства, приближающего роман к традиционной поэтике древнего эпоса. На создание такого полноформатного полотна могло уходить не одно десятилетие, ввиду того, что многоплановый сюжет вбирает в себя широкие временные рамки. Под определение романа-эпопеи подпадают произведения с емким содержанием, полифоничной проблематикой, многоуровневой композицией, полноценно разработанными героями («Сто лет одиночества» Г.Г. Маркеса, «И дольше века длится день» Ч. Айтматова и др.). В таких текстах явственны приметы эпохи, по которым читатель может скорректировать собственные представления о ней, соотнести степень авторского вымысла и фактические данные.

В становлении рассматриваемого жанра для многих литератур (и русской в том числе) первоисточником стали западноевропейские традиции, так же и национальная словесность развивалась на примере опыта литератур-посредников. Результатом эволюции художественного творчества стало появление романов-эпопей, в которых заложена наивысшая концентрация эпического, данная форма охарактеризована многими исследователями как «вершина художественно-эстетической трактовки мира и человека». Таких образцов в литературе сравнительно немного. Художественное пространство эпопейного повествования призвано воплотить одновременно историческую действительность, судьбы страны, народа и человека, специфику этнического сознания, нравственный идеал, национальную идею, категории трагического и героического. Иными словами, усилиями писателя-эпика достигается масштабная реконструкция конкретной эпохи.

В процессе развития эпического мышления в определенные моменты происходила нивелировка жанровых признаков, когда к выделенной форме относились произведения, содержащие в себе события эпохального значения, да и сама эпопея не избежала определенных наслоений. Вместе с тем структура такого объемного повествования складывается из трех неотъемлемых элементов: родовой памяти, заключенной в человеке, противостояния пограничных мировоззрений (на фоне войн, катаклизмов, противоречий времени, выраженного драматизма жизненных ситуаций) и не менее значимого бытийного концепта. Немаловажным аспектом становится философское осмысление действительности. Таким образом, в фокусе внимания художников находятся: борьба непримиримых сил, мятущаяся личность в эпицентре исторических событий, широкая панорама народной жизни на примере отдельной семьи. Наличие батальных сцен, внушительное число действующих персонажей, их социальная типизация, подача цельных характеров, включенность героев в значимые события, сопричастность к ходу истории, множественность сюжетных линий и раскрываемых конфликтов составляют жанрообразующие признаки романа-эпопеи. Исходя из обозначенных тезисов,

ведущим принципом, необходимым условием эпоейности следует считать полномасштабное воссоздание реальности.

Исследователями вопроса (Соболенко В., Чернис Д. и др.) уточнена художественная природа и «жанровая суверенность» романа-эпопеи, позиционирование его как ключевой формы словесного искусства. Произведения историко-социального содержания превращаются в развернутые полотна, способные вместить «потенциал времени», как результат – в сознании читателя возникает убежденность, что история творится здесь и сейчас. Наличие выраженной эпической картины мира мыслится значимым атрибутивным признаком эпопеи. Кроме того, тип художественного сознания играет немаловажную роль в выстраивании эпически ориентированного повествования, и в данном случае наиболее проявленными будут мифологический, эпический, символический планы отражения.

В эпопеях задействовано множество сквозных и эпизодических персонажей. Значительными метами времени становятся не только исторические события, но и действующие лица произведения (Григорий Мелехов из «Тихого Дона» М. Шолохова, Пьер Безухов и Андрей Болконский из «Войны и мира» Л. Толстого). Каждый из героев эпопеи узнаваем по типическим чертам, их разграничение осуществляется исходя из принадлежности к определенному классу или прослойке общества. Писателями разъясняются принципы социального поведения представителей выделенных категорий, чаще всего это собирательные, обобщающие образы. Оценка характеров персонажей является прямым следствием психологии личности, ее поведенческих особенностей. Конструируемые автором критические ситуации ставят человека перед необходимостью осознанного выбора. Герои таких романов, как правило, связаны семейными узами либо взаимоотношениями в социуме. Особое внимание уделено их внутреннему миру, отражению специфики языка как этнической составляющей, речевых нюансов в подаче образа.

Отдельного рассмотрения в подобных текстах заслуживают батальные сцены и бытовые подробности, посредством которых достигается максимальная приближенность к исторической достоверности. В содержании произведений находит воплощение судьба человека на фоне историко-социальных преобразований, процесс трансформации его сознания под воздействием жизненных коллизий, раскрываются межличностные конфликты на основе идейно-классового противостояния. Их характеризует многослойный сюжет, раскрытие причин, обуславливающих действия людей. Таким образом, во главе угла оказывается личность ищущая, осознающая свою социальную роль, метущаяся, сомневающаяся в своем стремлении найти место в общем устройстве окружающего мира.

В целом эпопея мыслится гибридной формой, синтезировавшей в себе потенциал эпоса, мифа и романа, и характеризуется эпически широким охватом событий эпохального значения. Повествовательные стратегии в ней выстраиваются в полном соответствии с мифологической «трехмерностью», подчиняясь авторской интенции.

Следует сказать, что на литературной арене в разное время появлялось множество псевдоэпопей, вследствие чего «Возникали сложности по созданию целостной, системной картины развития эпопеи и особенностей адаптации к новым художественно-историческим условиям» [Беглов 2006: 4]. Это объяснимо тем, что признаки указанного жанра адаптированно присутствуют в произведениях разноплановых, относимых как к деревенской прозе, так и к историческому роману, однако в каждом из них «эпическое» проявляется по-разному. Каковы же характерные методы моделирования повествований подобного рода? Если отражение «эпической картины мира» является первоочередной задачей, то способы жанровой типизации также необходимо брать в расчет при обосновании эпопейности произведения. Помимо выделенных признаков следует обратить внимание и на структурные особенности текста.

Эпопею зачастую идентифицируют с историческим романом, однако соблюдение исторической подлинности фактов и событий прошлого не является в данном случае самоцелью, они служат сценой событий, разворачивающихся в судьбах героев. Она вбирает в себя элементы как исторического, так и социального, философского, психологического разновидностей романного жанра. Иными словами происходит соединение различных аспектов содержания в русле осмысления гуманистических идей.

Беглов В.А. называет эпопею «праисточником эпического рода» [Беглов 2006: 7], поскольку она способна в некоторой степени определить «движение литературы во времени» [Беглов 2006: 9], аккумулируя в себе генетическую память народа. В ней соотносятся духовная составляющая, факты этнической истории и нравственно-этический (духовный) потенциал человека. Для данной формы характерна сосредоточенность в определенном времени и пространстве, однако события и ситуации не исчерпывают себя, находят продолжение и развитие в следующей части (кольцевая композиция).

В эпопее проступает глубинная связь человека и мира, и, следуя логике жанра, писатель-эпик стремится создать широкий историко-культурный контекст. Для воспроизведения действительности эпическими средствами автор отбирает материал, руководствуясь историческим мышлением. Свойственное художнику мировосприятие неизменно влияет на характер развития романного сюжета. На основе синтеза категорий исторического и мифологического преломляется коллективное сознание, максимальную выраженность получает национальный характер. Развитое мифологическое сознание, то самое духовное мировидение, а также авторское присутствие в повествовании согласуются со всем вышесказанным.

Собственно романная форма оценивается по типу повествования и способам воплощения эпического начала. Образцы эпопейного жанра снабжены собирательными образами, обобщающей символикой и подтекстом, притчевым толкованием действительности. «Такие произведения как художественные структуры сложились на пересечении двух типов художественного мышления – эпопейного и романного» [Соболенко 1986: 6–7]. Традиции реалистического романа наравне с условными приемами

изображения придают творчеству национальных писателей необходимый ценностный уровень.

Необходимо указать, что эпические тенденции усиливались в моменты наивысшего напряжения в сознании людей. Политическая нестабильность в мире, угроза крушения привычного жизненного уклада порождали состояние страха и неопределенности в собственном будущем. В контексте этой пугающей реальности, становящейся, по сути, побуждающей силой, возникала необходимость в художественном отражении подобных изменений, в поиске духовной опоры. В эпоху, когда в силу объективных причин нарушалась привычная целостность, наступал кризис нравственно-этических представлений общества, наблюдалось отрицание существующего порядка, мир терял свою незыблемость и самодостаточность. Возникла острая потребность в эпосе, как возможности восстановления утраченных связей, средства сосредоточения и сохранения исторической памяти. Именно поэтому темы Гражданской и Великой Отечественной войн, а также события периода депортации явились благодатной почвой для создания романов-эпопей. В национальных литературах масштабной раскруткой данной проблематики характеризуются 1960 – 90-е годы.

Еще одной особенностью романов-эпопей является отражение социально-исторических конфликтов, непереносимое столкновение противоборствующих сил, что придает произведениям одновременно героическое и трагическое содержание. «Сосуществование миров, каждый из которых обладает самостоятельной ценностью и способен воздействовать на другой» [Беглов 2006: 18] лежит в основе любого эпического повествования. С точки зрения проблематики внимание авторов концентрируется на достоверных событиях, динамичных сценах, когда герои активно включены в социально-общественные процессы, подвергаясь испытаниям психоэмоционального порядка, ставятся в пограничные ситуации. В подлинной эпосе прочитывается тот самый национальный идеал, потребность в котором наиболее осязаема в сложные, неоднозначные эпохи. Целостно представленные характеры, высокая степень драматизма, разрастание героико-эпического фона, трактовка исторических событий с полярных позиций – обязательны к реализации. Ракурсы изображения меняются в зависимости от авторского замысла.

Существенным качеством является также слитность «удаленных во времени» реальностей, соотносимых с национальным сознанием. Происходит реконструкция прошлого, хроника настоящего и нацеленность в будущее. Масштабы сюжета подразумевают некоторую незавершенность, определяя сквозные тематические линии, способствуя еще большему углублению во внутренний мир героев. Возможность «приращения» к исходному сюжету нового контекста всегда в приоритете. События и эпохи, а также человек, оказавшийся в их эпицентре, прошлое, оцениваемое через призму настоящего, целостная картина народной жизни и ее перспективы отражены в контексте романов-эпопей.

Писатели детально вырисовывают национальный характер, который полноценно раскрывается в кризисных ситуациях. «Эпос нового времени

немыслима вне трагического наполнения драматического выражения противоречий, ведущих к позитивному развитию национального сознания» [Беглов 2006: 24]. Выход из кризисного состояния становится доступен героям при условии осознанного выбора, в процессе борьбы, страданий, ошибок, прохождения через всевозможные испытания.

В момент трансформации условий существования общества состояние человека, оказавшегося в ситуации нравственного самоопределения, особенно волновала писателей в их стремлении распознать в малом значительное и донести до сознания читателя животрепещущие вопросы современности. Эпическая картина мира требовала обобщенной подачи, люди, их судьбы, факты из жизни, достоверные исторические события, социальные противоречия спрессованы в единый информационный пласт. Характеры героев формируются на пересечении позитивных и драматических явлений, испытывая душевные потрясения, они обретают способность переосмысливать пережитое, анализировать происходящее. Имеет место прямая авторская оценка героев на основе составленного о них мнения в ходе фиксации всех духовных движений, осознанных действий, внутренних монологов, противоречий, тонкостей психологии, ментальных особенностей и т.д. Героическое содержание, трагическое мироощущение, выявление типологии характеров – составляют своеобразие эпопейного полотна.

В разные эпохи по мере того, как менялся облик окружающей действительности, литературе требовались все новые действенные подходы в отражении реалий времени, наметив исторические перспективы развития романских форм, направление творческих поисков национальных писателей, методов реализации художественных идей. Гуманистическая и нравственно-этическая концепции преобладают, отмечается стремление художников очертить социально-политические конфликты, неизменными остаются ориентированность на разъяснение духовной составляющей бытия, пристальный интерес к внутреннему миру героев. В центре эпопейного повествования находятся несколько поколений рода, их жизнь в переломные периоды народной истории.

Необходимо подчеркнуть, что в современной региональной прозе эпопейный жанр все еще находится в стадии становления. Вместе с тем возможности данной формы в определенной степени получили реализацию в творчестве отдельных писателей. Жанровые предпочтения балкарских авторов отличаются многообразием форм. В процессе генезиса роман претерпел качественные трансформации, вызвав к жизни новые модификации, и в этом плане 1980–1990-е годы выгодно отличаются его форсированным развитием.

Проблематика балкарских романов нового образца («Большая медведица» З. Толгурова – 1982, «Мост Сират» А. Тепеева – 1993) реализуется с позиции нравственно-этических, духовных ориентиров, демонстрируя в своем содержании глубинное отражение специфики эпохи, осмысление судьбы народа в переломные моменты истории. В центре эпического повествования находятся формирующиеся герои, читатель имеет возможность отследить процесс их личностного развития. Изначально не имея подзаголовка «эпопея»,

эпические произведения отличались широтой охвата исторической действительности. В вышеназванных текстах со всей очевидностью проступают эпические черты, благодаря вплетенности человеческих судеб в круговорот значимых событий в судьбе народа и страны в целом. Историческая эпопея как таковая характеризуется эпической глубиной, философскими прозрениями, отсылкой вглубь прошлого. Для эпически ориентированных писателей важны степень реалистичности и драматического напряжения, укрупненная подача привычных тем, нахождение в модусе времени (на пересечении прошлого, настоящего и будущего), фиксация культурного кода, заложенного в этническом сознании.

В контексте выдвинутых тезисов о критериях эпичности в данной статье мы намерены провести разбор эпически ориентированного произведения из балкарской литературы. Объектом анализа избран роман балкарского прозаика А. Теппеева «Мост Сират», как наиболее показательный с точки зрения рассматриваемой проблематики. Для начала уточним тип художественного мышления, приверженцем которого является автор, и далее обозначим ведущие принципы конструирования композиции художественного текста.

Ранее отмечалось, что в повествованиях такого уровня четко определена мировоззренческая позиция создающего, что формирование целостной модели романа-эпопеи напрямую зависит от авторской концепции. Следуя основополагающим принципам реалистического направления в литературе, А. Теппеев стремился синтезировать и максимально эффективно применить в своем творчестве ресурсы мифологии, эпоса и романа. Важным моментом в уяснении специфики анализируемого произведения является логика выстраивания метатекстового пространства, которое складывается из множества важных составляющих. Структура романа «Мост Сират» включает в себя собственно эпический текст, реализованный в его пределах контекст и комплекс интертекстуальных включений. Художественные рамки произведения воспринимаются как поле их взаимодействия, отдельного внимания заслуживают особенности функционирования хронотопа.

Роман А. Теппеева достоин того, чтобы стать объектом серьезного концептуального осмысления, поскольку в нем определяется мощная философская основа, раскрываются глубинные символические смыслы. Панорамность, возможность реконструкции и ретроспекции исторического прошлого дают простор для осмысления противоречивых событий 1930–1950-х годов, предоставляют возможность их объективной оценки. Писатель презентует читателю многомерное эпическое повествование, в котором произведен органический синтез эпических и романских признаков. Мы наблюдаем действие «развернутое в цельном художественном пространстве».

Эпопея ли «Мост Сират» в литературоведческом понимании? Немалый объем, сложная композиция, многослойность сюжетных линий романа, масштабность раскрываемой в нем проблематики, ориентированность на историческое прошлое, многоаспектная и объективная оценка событий позволяют произведению претендовать на этот статус. Учитывая, что писатель

видит главной целью достижение полноты эпического мировидения, создание слепок народной жизни, по всем основополагающим признакам повествование должно быть причислено к подлинно эпическому жанру. Если вести речь о субъективно авторском определении жанровой принадлежности созданного им произведения, несомненно, что художник стремился реализовать в романной форме эпическое содержание. В этом случае возникает необходимость различать роман-эпопею и панорамный исторический роман. Герой ищущий является неотъемлемым атрибутом эпического повествования, это не идеологизированный, готовый (шаблонный) образ, как часто бывало в романах советского времени. Фиксировать процесс становления характеров, их обусловленность средой и жизненными обстоятельствами, показать ценностные установки личности – приоритеты творчества балкарского прозаика. Важными качествами являются эпически широкий охват событий, отражение специфических примет конкретной эпохи для обоснования подобной обусловленности.

В произведении задействовано без малого девяносто главных и эпизодических персонажей. Роман разделен на книги, каждая из которых обращена к определенному этапу жизни действующих лиц. Помимо условных средств отражения автором привлечен достоверный историко-этнографический материал. В качестве иллюстративной составляющей приводятся цифры и факты, реальные документы, нормативные акты, указы и предписания, относящиеся к изображаемому времени и имеющие непосредственное отношение к этнической истории. Так, в повествовании отмечено, что в депортационный период тридцать четыре балкарских аула были расселены на территории среднеазиатских степей (Киргизии и Казахстана), также отмечены люди, вынужденно оказавшиеся в Сибири (ссылка, тюремное заключение, лагеря). Основное внимание сосредоточено на перипетиях судеб жителей двух селений (Секи и Жамауат), освещаются события в годы их пребывания на чужбине. Местами непосредственного расселения выходцев с Кавказа обозначены Карачаевская роща, Покровка и Кегети. «Жизнь героев эпопеи теснейшим образом связана с историей, значительные события в жизни общества и судьба человека взаимосвязаны и взаимообусловлены, семья предстает в эпопее носителем социального и исторического» [Чернис 1988]. Тепшеевым подробно расписаны события из жизни семнадцати балкарских семей во главе со старейшинами рода Кайбергеновых (вековой старец Атто, Бияслан), Кушжетеровых (Хамзат), Чоттаевых (Шоштар), семья кабардинца Басира (выселенного вместе с супругой балкаркой), ссыльного казака Макара, четы киргизов (Рыскул и Айша), принявших изгнанников под свою опеку. В тексте часто упоминаются фамилии Адеевых, Ормановых, Базовых, Чегемовых, Рахаевых и т.д. Произведение насыщено жизнеописаниями, множеством бытовых и политических подробностей, из которых складывается объективное восприятие исторической действительности того времени.

Среди героев романа представлены образы с говорящими именами, они содержат намек на род занятий либо характерологические черты, доминирующие качества, личностные особенности. Показателен в этом

отношении образ Расторгуевой, жены поселкового начальства (коменданта Юдина), промышлявшей выторговыванием у переселенцев ценных вещей в обмен на зерно «вес на вес». Отдельным персонажам соответствуют имена, данные жамауатом (общиной): Левон Посулян, о котором люди говорили «беримдю»/«беримли» – «дароносящий»; «жырчы» (певец из народа) Гезох; «устаке» («мастер» – на киргизском языке) Хамзат, этот персонаж получил в свое время и другое имя – «волчья жила» за стойкость и мужество, проявленные в 1930-е годы в ходе установления советской власти на Северном Кавказе. В первый год местные жители называли переселенцев «бечараклар» – бедные, горемычные, «айдалгандар» – изгнанники. В повествовании эпизодическое, опосредованное участие принимают исторические фигуры (Ленин, Сталин – «усатый», Берия – «четырёхглазый»), чьи действия подвергаются народному осуждению. Довольно интересно обыгран А. Теппеевым сюжет с двенадцатью «апостолами», собравшимися на импровизированной «тайной вечере» в доме Ерту Чегемова (директора типографии, авторитетного, высокообразованного человека, имевшего вес в правительственных кругах Киргизии, ранее служившего в органах НКВД и МГБ), негласным лидером и учителем которых выступил знаток народного фольклора Гезох.

Роль философских обобщений выполняет выраженная символика романа. «В ходе повествования в сознании читателя с определенной периодичностью фиксируются числовые символы: восемь сыновей старика Бияслана; эшелон со спецпереселенцами под номером 13; тринадцать мужчин, собравшихся на «ныгыш» и обсуждающих происходящие события по аналогии с библейским мотивом» [Болатова, Гергокова 2015: 28]. Посредством знаковых образов определяется авторское отношение к происходящему, писатель анализирует действительность, исследует душевную природу своих героев, дает оценку времени и человеку в нем. Ключевым символическим образом в смысловом контексте рассматриваемого произведения является *Могучая Сосна* (мифологический аналог Мирового дерева), которую срубил главный герой романа в надежде построить новый дом – пристанище изгнанника на Чужбине. Это воображаемый мост Сират, перекинутый через адское пламя (устойчивый архетип, условная модель мира).

В символическом ключе представлены также: *оберег* Музафара с землей из Тагылы кол (Родниковой долины); «глаза» *родников* как жизнеутверждающий символ, знаменующий собой освобождение от оков; ишачий *подседельник*, зашиваемый вековым старцем Атто в день выселения (олицетворяет собой крушение вековых устоев); *деревянная веранда*, достроенная главным героем в ночь накануне изгнания; семь заготовленных Хорасан (супругой Хамзата) саванов перед отправкой в Киргизию; шестнадцать серебряных *газырей* – неприкосновенный талисман, оберегавший Мухтара – «залог еще живой связи рода Кушжетеровых с родной землей, на которую они надеялись вернуться»; *буханка хлеба*, завернутая в газету «Сталинский путь» (указание на ошибочность ожиданий народа от власти) как «кусоч самой жизни»; колосья пшеницы, проросшие в стене дома (надежда на спасение

умирающей от голода семьи); *косы* Лейли, отданные на откуп ради освобождения Хамзата из тюрьмы. Тем же функционалом наделены и другие образы: золотые немецкие *часы* на руке Шоштара и *сапоги* с чужой ноги (интерпретируются как тяжкое бремя грехов, сковывают движения подобно кандалам); последнее стихотворение Кязима, избличающее действия власти и чудом сохранившееся благодаря сплоченности людей; *посох* Гезоха – атрибут путника и расколовшаяся надвое *трость из рябины*, служившая Хамзату опорой восемь лет.

Мотив странствий и скитаний (производный от темы выселения) реализован через образы Шонтука (отца Хамзата и Зулкарнея Кушжетеровых), который в свое время отправился в Турцию в поисках лучшей доли для своих сыновей, однако умер вдали от родины в окрестностях Измира и обрек потомков на тяжелые испытания; Мисирхан (горемычной матери, потерявшей сына – подросток Ахмат отстал от поезда по пути на чужбину); Гезоха, пытавшегося отыскать свою дочь в Чуйских степях; Хамзата, который хотел добиться правды и справедливости в отношении Мадины, осужденной за нарушение действующих предписаний. Каждому из них сопутствовали в дороге *палка*, *посох* либо *трость*, как символы, соответствующие облику скитальца. В увязке с обозначенной проблематикой упоминаются Хызир и Ильяс (в карачаево-балкарском фольклоре почитались как покровители путников). Аналогичный момент раскрыт писателем в романе «Тяжелые жернова». Исследуя художественные особенности текста, Сарбашева А.М. отмечает: «Сломанная палка старика, разваливающийся на две части камень Дебета репрезентуются как знаки (символы) надвигающейся трагедии в жизни народа – депортации» [Сарбашева 2019: 114]. Эта тема реализована и в произведении балкарского прозаика З. Толгурова «Большая медведица». «Один из персонажей романа говорит о том, что «люди разбросаны, словно одинокие былинки, у каждого свой посох, на него и опирается идущий человек». < > Поэтому у каждого героя своя дорога, свой выбор» [Сарбашева 2001: 112]. Из приведенных примеров можно сделать вывод о достаточно емком смысловом наполнении и знаковом характере данного образа в народном сознании.

Тема исторической, родовой и этнической памяти красной нитью выведена в произведении (поход Хамзата с внуком в Тагылы кол – Родниковую долину, его рассказы о героическом прошлом, осознание себя частью народа, неистребимое желание передать потомкам незыблемые традиции, память об истоках, назидания Гезоха о важности веры, необходимости сохранения опыта предков, песенной культуры и т.д.). Она отражается в содержании романа посредством различных художественных инструментов.

В тексте «Мост Сират» освещен процесс устранения «кулачества» как класса, к которому в годы репрессий многие были несправедливо причислены (мельник Макар – лишен нажитого имущества и выслан из казачьей станицы), узденей (род Чегемовых) и фамилий княжеского происхождения (таких как Шакмановы). На их примере писатель выявляет противоречия мировоззрений, идейные столкновения. Навешивание ярлыков, противоборство сторон не ослабевало и после планомерного уничтожения дворянского сословия. Гнев

большевизма обрушивался на каждого, кто относил себя к оппозиции, возвращая в сознании людей неприятие зажиточных слоев населения.

Примечателен эпизод, когда собравшиеся вместе авторитетные люди из числа переселенческой интеллигенции полемизируют, обсуждая вопросы политики, выражают несогласие со сложившейся ситуацией притеснения и активной пропаганды межклассовой розни. В данном случае «многоаспектность событий подчеркивается перекрестным комментированием одних и тех же фактов различными персонажами» [Чернис 1988]. Спор между Ерту Чегемовым (ортодоксальным коммунистом, свято верящим в идеалы всеобщего блага, равноправия и свободы) и Рачикау Шакмановым по поводу идеологических ухищрений, стратегий манипулирования сознанием масс. Каждый трактует происходящее по-своему, однако конфликт убеждений разрешается сам собой. Рачикау («осколок разбитого аристократического класса») заметно превосходил оппонентов по уму, ориентировался в постулатах социализма лучше убежденных коммунистов, с легкостью цитируя сочинения главных идеологов страны. Никто не мог противопоставить его доводам весомого аргумента. Все, что прежде казалось неоспоримым, не просто ставилось под сомнение, радикально менялась интерпретация – подмена понятий, идеализирование системы, ее правила и установки из аксиомы превращаются в факт намеренного оболванивания людей с целью абсолютного контроля. Не случайно на чаше весов, оценивающей их деяния, между Сталиным и Гитлером ставится знак равенства, поскольку в исторической перспективе их политические рычаги воздействия привели к масштабному геноциду. Писателем формируется тезис о том, что жестокость советского режима была сродни фашизму (они в равной степени уличены в угнетении народа).

В развенчании навязанных стереотипов наиболее запоминающимися являются соображения Гезоха. В монологах героя использованы ключевые метафоры, смысловой потенциал которых угадывается автоматически. «Нет проку искать виноватого, клеймить и разоблачать. Нет смысла искать следы медведя, когда он сам на виду», слова певца как нельзя более точно характеризуют происходящее: «Люди пытаются оправдать собственную жестокость благородными целями. Сети лицемерия искусно плетутся» [Теппеев 2001: 326]. Этим мыслям созвучны слова Абу: «Самый главный злодей обычно предстает в облике доброго и справедливого отца. Людям кажется, что он творит добрые деяния, а насилие будто бы делается во имя всеобщего блага» [Теппеев 2001: 363]. Размышления персонажей вскрывают истинные причины преступлений прошлого. Притчевый характер романа обусловлен стремлением автора прояснить ситуацию, когда под видом исторической необходимости вычищался путь к власти.

Многие из героев, представленных в романе, прошли годы ссылок в лагерях, отбывали срок, будучи обвинены в проявлении неприязни к правящему режиму. Велика массовая доля тех, кто в разное время подвергся идеологическому прессингу, ощутил на себе «систему правосудия» в действии. Это и Хамзат Кушжетеров, которого по ложному доносу арестовали в 1938

году, затем отпустили по амнистии, позднее в период депортации обрели на четыре года лагерей за нарушение ограничительных мер по отношению к переселенцам, предусматривающих находиться в пределах мест настоящего проживания. Это и его сын Мустафа, считавшийся пропавшим без вести, однако на самом деле отбывал десятилетний срок за нахождение в немецком плену. Это и Рачикау Шакманов, сосланный в 1929 году из-за принадлежности к высшему сословию, и Батыр Адеев, что был отправлен на двадцать лет тюрьмы, и Кайыт Арынчиев, репрессированный в 1937 году и приговоренный к десяти годам лагерей, и Гезох, которого также осудили на десять лет за «побег» в другую республику в поисках пропавшей дочери. Командир десантного полка подполковник Геллер осужден военным трибуналом на восемь лет с лишением звания и всех наград за то, что открыто осудил действия власти в отношении призывников балкарцев, достойно воевавших на фронтах Великой Отечественной войны (яркий пример тому лейтенант Абу Кайбергенов, награжденный орденами Красной Звезды и Александра Невского).

Повествование перемежается рассказами о фронтовых буднях и подробностями из жизни выселенцев на чужбине. Сюжет произведения вместил длительный процесс их адаптации, налаживания быта в новых условиях. В раскрытии ключевой проблематики романа немаловажны воспоминания героев, предыстории развития описываемых событий. Рассказы об историческом прошлом, включение этнографических деталей вносят весомую лепту в выстраивание художественной целостности эпического текста. Отдельного внимания заслуживают описания Карачаевской роци и национальностей, собравшихся здесь (чеченцев, ингушей, карачаевцев, балкарцев), в этой местности обосновалась вся интеллигенция из среды репрессированных народов.

Существенное значение в структуре романа имеют прецедентные включения религиозного характера. В тексте приводятся жизнеописания пророков Ноя (Нуха) и Моисея (Муссы), в сопоставительно-оценочном ключе представлены имена известных поэтов и писателей, исторических личностей и политических деятелей. Так, в произведении проигрывается ситуация, аналогичная истории, описываемой в священном писании: собрание тринадцати «апостолов» (в числе которых роль Иуды отведена Итлуку Китарову) во главе с «учителем» (Гезохом). Автором проанализированы поведенческие установки героев, их мировоззренческая позиция, духовное становление, психология личности. Оценка их действий осуществляется исходя из множества побуждающих и обуславливающих факторов, что нагляднее всего проиллюстрировано на примере образа отступника.

В эпическом творчестве А. Тепеева первостепенными задачами являются реализация принципа историзма, показ глубинной связи человека и мира. Многофункционален в романе эпический параллелизм, обратная временная перспектива (нарушение хронологической последовательности описываемых событий, переменное обращение то к прошлому, то к настоящему) сообщает содержанию полновесность. Обращают на себя внимание и степень драматического накала, и философские размышления на

темы нравственно-этического порядка. В качестве значимого момента следует выделить притчевый характер раскрытия проблем современного общества сквозь призму этнического сознания, духовно-ценностных ориентиров.

В раскручивании эпопейности романного повествования немаловажно освещение социальных конфликтов, столкновение героев на почве несоответствий индивидуального мироощущения. В этом плане наиболее выпукло обрисованы противоречивые взаимоотношения Хамзата и Шоштара. Это типические характеры психологических антиподов с диаметрально противоположным восприятием действительности. Образ Хамзата возведен писателем до уровня народного идеала со всеми присущими качествами, в нем сосредоточены основы духовности, заложенные в этнокультуре. Шоштар же являет собой пример психологии жертвы, в его представлении он ущемленная сторона. На примере этого героя писателем прорисован тип приспособленца, которым движут сугубо эгоистичные побуждения, а позиция выжидания становится привычной формой поведения. Хамзат называет односельчанина «боккабар» (самодельный тряпичный мяч для игры в хоккей на траве) дьявола – метафора, позволяющая выразить скрытую суть души, преисполненной ненависти к людям, неистребимой злобой, завистью и тщеславием. Шоштар участвовал во многих преступлениях, напоминанием о них служили *деревянные бирки* (привязывались к ногам умерших каторжников) и немецкие *кирзовые сапоги*, которые никак не изнашивались, с каждым днем жали ноги все сильнее, поэтому беглец мечтал снять их и омыть ноги в реке Юрду (своеобразная проекция, означающая избавление от груза прошлого).

Склонность к самоанализу и философским раздумьям отличает образ Хамзата, процесс выбора истинного пути дается сложно. Писателем затронут вопрос нравственного самоопределения героя, мучительные колебания и сомнения личности, оказавшейся в пограничной жизненной ситуации. Момент общенародной катастрофы обнажает назревшие конфликты и противоречия между людьми. «Эпопея по своей природе тяготеет к таким историческим периодам, когда сложившаяся веками система традиций чревата взрывом, изжила себя и сама себя отрицает» [Соболенко 1986: 50]. Глазами героев романа «Мост Сират» читатель видит реальные события, они размышляют о ходе истории, задумываются о месте и роли, отведенным в обществе, в попытке осмыслить смысл своего существования, отыскать единственно верное решение.

Психология отдельных социальных общностей раскрывается на примере конкретных персонажей различной классовой принадлежности. Расслоение общества на два непримиримых лагеря, следствием чего становятся личные драмы героев, трагические повороты народной судьбы и еще множество философских аспектов бытия человека находят отражение в романе. Чтобы усилить национальный колорит, для большей убедительности писателем использован комплекс языковых средств (различные речевые обороты, набор диалектных выражений, словесных идиом).

Автору удалось художественно отразить социальный опыт людей разных поколений, носителей определенного социального статуса, их внутренний мир,

противоречивые мысли, диалоги с самими собой в стремлении осмыслить и понять происходящее. Последствия социально-политических преобразований и их влияние на человеческое существование в полной мере раскрыты в содержании романа «Мост Сират». Энциклопедический охват исторического прошлого народа, прочувствованность и достоверное изображение национального характера отличает данное произведение, его ценностный уровень зиждется на гуманистической составляющей. Писателю было важно в локальном художественном пространстве воспроизвести драматический характер эпохи, передать трагизм человеческих судеб в годы войны и насильственной депортации.

Описания быта значимы для передачи специфики той среды, в которой проходило становление личности. Семейные взаимоотношения зеркально отражают социальные конфликты, процессы, характерные для конкретного исторического времени. Герои становятся заложниками непримиримой вражды, испытывая на себе разрушительное воздействие идеологического отчуждения, внушаемого на протяжении долгого времени. Деструктивным явлением в авторском понимании предстает классовое разобщение общества, раскол в умах людей приводит к драматическим последствиям, ломает судьбы, трансформирует психику. Результатом такого давления становится перекраивание сознания. Подстраивание под сложившиеся обстоятельства отличает социальный тип приспособленца, для которого характерно проявление жестокости, цинизма, иногда и агрессии. В таком качестве в романе представлены образы Шоштара Чотчаева, Жорты Избирова, сотрудника службы НКВД Итлука Китарова, коменданта Юдина, секретаря парткома Жоро Култаева. В обрисовке выделенной группы персонажей автор не скупится на негативные краски.

Авторское отношение к изображаемому проявляется через пристрастность в оценке действительности и поступков героев. Писатель стремится к разъяснению причин, обуславливающих их действия. Таким образом, «не ставя задачу исчерпать событие, художник отбирает материал < > необходимый для раскрытия характера героя» [Чернис 1988]. Контрастная обрисовка персонажей, их социальная типизация, соблюдение эпической дистанции способствуют полновесному отражению главных противоречий времени.

Так как в романе отражены закономерности исторического порядка, ключевые эпизоды биографии героев (1930-50-е годы) совпадают с событиями эпохального значения (установление советской власти, коллективизация, раскулачивание, репрессии, Великая Отечественная война, депортация). В разработке исторической темы писателем использован принцип двойной хроники, когда освещение истории государства реализуется посредством отражения перипетий жизни отдельно взятой семьи, через сопоставление антагонистических сил, непримиримость идей, присутствие в повествовании исторических личностей. Круг проблем, затронутых А. Тепшеевым, казалось бы, неподъемен с точки зрения художественной реализации, однако зримо проступающий историко-социальный контекст позволяет сориентировать

читателя, предложить схему выведения системы нравственно-этических координат, комплекса духовных ценностей. Прием кодирования дает возможность в соответствии с уровнем индивидуального восприятия определить специфику времени и в какой-то степени домысливать итоги эпического сюжета.

В романе А. Тепшеева «Мост Сират» мы наблюдаем новый формат художественного образа. Изменившаяся реальность продуцирует такой тип героя, который призван осуществить попытку выхода из кризисных условий существования, это личность с активной гражданской позицией и объективным толкованием реальности. Действующие лица произведения все чаще размышляют о ходе истории, задумываются о первопричинах происходящего в попытке отыскать приемлемое решение, находятся в поиске духовной опоры. В подобных текстах достигается контакт автора, читателя и героя, улавливается взаимосвязь «субъекта-повествователя» и «субъекта-героя».

На примере конкретных персонажей раскрываются варианты социального поведения, психология отдельных слоев общества. Писатель анализирует характеры, исследует человеческую душу, дает оценку эпохе и личности в ней, ему удается отразить действительный опыт людей, их колебания и внутренние противоречия, балансирование между «за» и «против», принятие или отрицание социально-политических явлений. В этой связи одним из ключевых становится вопрос самоопределения в ситуации общенациональной катастрофы, каковыми явились репрессивные меры в отношении некоторых народов. Деструктивным явлением стала и классовая неприязнь. Нагнетаемая в те годы атмосфера разобщения социума привела в итоге к трагическим поворотам, о чем свидетельствуют личные драмы героев романа. Внутрисемейные отношения Кушжетеровых, Кайбергеновых и Чотчаевых зеркально отражают процессы, характерные для описываемого периода.

Трагедийное содержание, выраженный драматизм – специфическая черта романа-эпопеи. Такое произведение подвержено постоянному обновлению, как «живая субстанция», что мы и наблюдаем в развитии эпического повествования «Мост Сират».

Писатель выступает в качестве обозревателя событий, его опосредованное присутствие является значимой стилевой тенденцией (она находит применение в творчестве ведущих балкарских прозаиков). Используя прием потока сознания, автором развернуто анализируются глубинные вопросы человеческого бытия. Должный эффект достигается посредством философских отступлений, призванных разъяснить причины сложившихся социальных конфликтов, подвести читателя к осмыслению сиюминутно творимой истории. Эпопея характеризуется эпическим масштабом, событийной плотностью, всеохватностью и онтологической глубиной содержания, историческими прозрениями, суть которых начинает проясняться с течением времени.

Размышляющее начало, выраженный психологизм, драматизация исторических событий, их объективная оценка – признаки, позволяющие относить данное произведение к анализируемому жанру. И дело не столько во внушительном объеме текста или глубоком идейно-художественном

содержании, это срез целой эпохи, преломляемый в судьбах людей и отдельных семей, что является достаточным основанием эпопейности. Герои романа обогащаются ценнейшим опытом в переломные этапы жизни. На их примере автор стремится разъяснить закономерности исторического порядка и духовные поиски представителей разных социальных слоев. Что касается временной логики повествования, она не ограничивается привязкой к категории пространства, а мыслится намного шире.

В произведении существенную роль выполняют национальная идея, героика, массовые сцены эпохального значения, раскрываются родовые связи главных действующих лиц, отслеживается эволюция персонажей, процесс их личностного самоопределения. Масштабное эпическое полотно вместило «субстанциональное содержание народной жизни» (Гегель), «художественную концепцию мира» (Н.К. Гей) и обобщенный взгляд на действительность» [Болатова 2020: 194]. Таким образом, эпопейные черты проступают на всех уровнях романного повествования. Освещение полифоничной проблематики определяет поэтико-стилевые особенности текста.

Специфика исторического мышления писателя, степень проявленности этнического сознания, полнота отражения эпической картины мира заслуживают высокой оценки. В процессе исследования художественного пространства романа А. Теппеева «Мост Сират», анализа повествовательных стратегий, схемы выстраивания композиции выявлено максимальное соответствие произведения отмеченным в теоретических выкладках критериям эпопейности (глобальное содержание, выраженный историзм, народность, драматический накал, глубокое осмысление противоречий времени, полномасштабная реконструкция эпохи, эпический параллелизм, раскрытие типологии характеров и т.д.). Балкарский прозаик достиг весомых результатов в деле освоения жанра романа-эпопеи и его становления в национальной литературе.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Болатова 2020 – *Болатова (Атабиева) А.Д.* Теоретическое осмысление проблемы художественной циклизации (карачаево-балкарская поэзия и проза) // Электронный журнал «Кавказология». – 2020. – № 3. – С. 187–204. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-187-204>

Болатова, Гергокова 2015 – *Болатова (Атабиева) А.Д., Гергокова Л.С.* Интерпретация числовой символики в карачаево-балкарском фольклоре и литературе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2015. – № 8 (50). – Часть 3. – С. 26–29.

Беглов 2006 – *Беглов В.А.* Эпопея в русской литературе XIX – XX вв.: становление и трансформации. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 50 с.

Крутов 2006 – *Крутов Ю.И.* Генезис и трансформации эпопейных жанровых признаков в прозе XX века. Дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2006. – 315 с.

Сарбашева 2001 – *Сарбашева А.М.* Формирование историзма мышления и балкарский роман. – Нальчик: Издательство КБНЦ РАН, 2001. – 148 с.

Сарбашева 2019 – *Сарбашева А.М.* Трансформация фольклорных традиций в балкарской литературе (на материале прозы). – Нальчик: Издательская типография «Принт Центр», 2019. – 172 с.

Соболенко 1986 – *Соболенко В.* Жанр романа-эпопеи (Опыт сравнительного анализа «Войны и мира Л.Н. Толстого и «Тихого Дона» М. Шолохова). – М.: Художественная литература, 1986. – 205 с.

Теппеев 2001 – *Теппеев А.М.* Мост Сират. Перевод с балк. М. Эльберда. – Нальчик: Эльбрус, 2001. – 488 с.

Чернис 1988 – *Чернис Д.* О жанре романа-эпопеи // Вопросы Литературы. – 1988. – № 3. – С. 199–206.

REFERENCES

BEGLOV V.A. *Epopеya v russkoi literature XIX–XX vv.: stanovlenie i transformatsii. Avtoref. diss. ... k. filol. nauk* [Epic in Russian literature of the XIX–XX centuries: formation and transformation. Abstract of dissertation for the candidate of philological sciences degree]. – М., 2006. – 50 p. (In Russian)

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D. *Teoreticheskoe osmyslenie problemy khudozhestvennoi tsiklizatsii (karachaevo-balkarskaya poeziya i proza)* [Theoretical understanding of the problem of artistic cyclization (Karachay-Balkar poetry and prose)]. IN: *Elektronnyi zhurnal «Kavkazologiya»*. – 2020. – No. 3. – P. 187–204. DOI: <https://doi.org/10.31143/2542-212X-2020-3-187-204> (In Russian)

BOLATOVA (ATABIEVA) A.D., GERGOKOVA L.S. *Interpretatsiya chislovoi simboliki v karachaevo-balkarskom fol'klоре i literature* [Interpretation of numerical symbols in Karachay-Balkar folklore and literature]. IN: *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. – 2015. – No. 8 (50), Part 3. – P. 26–29. (In Russian)

CHERNIS D. *O zhanre romana-epopei* [About the genre of the epic novel]. IN: *Voprosy Literatury*. – 1988. – No. 3. – P. 199–206. (In Russian)

KRUTOV YU.I. *Genesis i transformatsii epopeinykh zhanrovnykh priznakov v proze XX veka. Diss. ... d-ra filol. nauk* [Genesis and transformations of epic genre features in the prose of the XX century. Dissertation for the degree of Doctor of Philology]. – М., 2006. – 315 p. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Formirovanie istorizma myshleniya i balkarskii roman* [The formation of historicism of thinking and the Balkar novel]. – Nalchik: Izdatel'stvo KBNTs RAN 2001. – 148 p. (In Russian)

SARBASHEVA A.M. *Transformatsiya fol'klornykh traditsii v balkarskoi literature (na materiale prozy)* [Transformation of folklore traditions in Balkar literature (based on the material of prose)]. – Nalchik: Izdatel'skaya tipografiya «Print Tsentr», 2019. – 172 p. (In Russian)

SOBOLENKO V. *Zhanr romana-epopei (Opyt sravnitel'nogo analiza «Voiny i mira L.N. Tolstogo i «Tikhogo Dona» M. Sholokhova)* [The genre of the epic novel (The experience of comparative analysis of "War and Peace by L.N. Tolstoy and "The Quiet Don" by M. Sholokhov)]. – М.: Khudozhestvennaya literatura, 1986. – 205 p. (In Russian)

TEPPEEV A. M. *Most Sirat / Perevod s balk. M. El'berda* [Sirat Bridge. Translated from Balkar by M. Elberd]. – Nalchik: El'brus, 2001. – 488 p. (In Russian)